СОЛНЕЧНЫМ СЕНТЯБРЬСКИМ ДНЕМ

Древний аул, где родились, трудились, умерли мой дед, мой отец, где увидел свет и я, никогда не имел школы до того солнечного сентября, о котором я хочу рассказать вам.

Да, аул Чегем не имел школы. Его дети не знали, что значит учиться. Ни дед, ни отец мой никогда не держали в руках книги. Они хорошо умели пахать клочок своей земли, пасти скот, охотиться в горах. А что касается книги... Не их вина, что они не знали грамоты, и книга для них просто не существовали. Такой была жизнь горцев. Они жили трудно, их мучили безземе-лье и бездорожье — бездорожье жизни и бездорожье гор. И им было не до книг. Не знаю, как бы мой отец отнесся к своему сновидению, если бы ему, еще живому, приснилось, что сын вырос, стал грамотным, живет в городе и занимается наукой. Он умер, уверенным в том, что я проживу всю свою жизнь в ауле, крестьянствуя, как все мои предки, и не дам остыть очагу отцовского дома, над которым постоянно будет подниматься сизый дымок, бла-годаря тому, что я буду жить в нем, а потом мои дети, а дальше внуки, и так не узнает конца и исчезновения наш род.

...Я с малых лет и начал делать все, что крестьянин делает в горах,— пас овец, косил сено, пахал, жал хлеб, погонял волов, ездил на ослике по дрова, выводил коня из конюшни, седлал и садился на него без помощи старших. Меня готовили к тому, чем до конца жизни должен заниматься в горах крестьянин. Книг пока я не видел, не знал, что это такое. Откуда мне, малышу, было знать о том, что придет время и все будет не так, как думали мои родители, что я, став ученым-историком, буду сам писать книги и вся моя жизнь окажется связанной с книгой!..
В чегемских горах стоял солнечный день. Это был конец лета или начало осени. Я скакал по улице аула на своем белом ослике, распевая песенку: «Скачи, мой ослик! Скачи, мой ослик!» Я любил своего ослика. Я особенно радовался ему, гордился им, потому что он был белый. Ведь ослики белой масти у нас редки. Его подарил мне мой дядя Горда — добряк и сказочник. Я
весело прискакал домой и увидел, что в нашем дворике разговаривает с моей матерью один из родственников. Увидев меня, Батал обрадовался:
— Вот и Ако!
Я спешился, подошел к нему,
— Салам алейкум! — сказал я Баталу, как это обычно делали взрослые при встрече.
— Алейкум салам! — ответил родич.— Молодец, что прискакал на своем белом скакуне, вовремя прискакал. Я пришел за тобой. Хорошую новость я принес.
— Какую, дядя Батал?
— Учиться будешь!
—Чему?
— Всему хорошему. Человеком станешь. Пойдешь со мной?
— Куда?
— В школу.
— А что это такое?
— Увидишь.

Батал был коммунистом, участвовал в революции, воевал с белыми. Об этом часто рассказывали родичи. Он занимал в ауле какую-то должность, о которой я не имел понятия. Батал сказал мне и моей матери, что в ауле Советская власть впервые открыла школу. В ней будут учить детей читать и писать, давать знания. Он настаивал, чтобы моя мама разрешила повести меня в школу. Мама не решалась, она не знала, к добру ли это будет.

— А вдруг это принесет вред сыну, испортит его, погубит? — оказала мама.
— О чем ты говоришь, сестра? — горячился Батал.— Наоборот, учеба принесет благо твоему сыну-сироте, которого ты воспитываешь без отца. Наша новая народная власть открыла школу для детей освобожденного ею народа, чтобы спасти их от темноты и немоты. Вот как дело обстоит, Саният. А ты еще говоришь о какой-то порче, о какой-то гибели!

После долгих колебаний мама согласилась. Но я видел, что она в тревоге и стала печальнее обычного. Я же просто не знал, что это вообще значит, чего от меня хотят. Единственное, что мне было известно,— нужно слушаться старших. Они умнее младших. Этому учили меня дома постоянно. И я покорно пошел за Баталом. На склонах желтели чинары и орехи.

Когда мы с Баталом, идя в сторону белых гор, поднимались по небольшому подъему каменистой улочки, нам встретился мой дядя Горда — сказочник и рассказчик разных историй, которого я любил больше всех родственников. Он гнал серого ослика, нагрузив его дровами. Я обрадовался, решив, что Горда возьмет меня с собой, не даст повести в какую-то школу, куда мне не хотелось совсем. Поравнявшись с нами, дядя весело поздоровался:
— Салам алейкум, Батал.
— Алейкум салам, Горда. Хорошие дрова везешь.
— Да, сухие, чинаровые.— Горда пожал руку Баталу, потом подошел ко мне, обнял меня за плечо и спросил: — А ты куда, племянник?
— Не знаю,— ответил я печально.
— Как это так? Идешь, а не знаешь, куда!
— Я веду его в школу,— сказал Батал.— Отныне наш маленький Ако будет учиться в школе, как и другие дети аула.
— Я тоже учу его.
— Чему?
— Сказкам.
— То сказки. А Советская власть будет учить жизни.
— Эх, Батал! Какая же жизнь без сказки?
— Это ты так думаешь, Горда. Сказки же не могут научить читать и писать, спасти от темноты. Учение несет свет.
— Сказка тоже свет несет.
— Не путай, Горда. Твоего племянника, сына моей родственницы Саният, я веду в школу. Ты не мешай нам своими сказками. Пусть мальчик учится, может быть, ему повезет и он станет ученым, большим человеком.
— Дай Бог, дай Бог.

— «Ученье — это свет»,— сказали умные люди. Вот видишь, Горда, новая власть дает возможность учиться и нашим, чегемским, детям, открывает для них школы. Никогда ведь этого не было. Хорошо, очень хорошо. Это надо понять и ценить. А ты говоришь о сказках.
— Ты, наверное, прав, Батал, но только сказки не обижай. Э-э, сказки — это не шутка!..
— Может быть. Ну, счастливо, Горда.
— Счастливо, Батал.

Я с нетерпением ждал, что мой любимый Горда скажет, чтобы я пошел с ним, избавит меня от Батала, но с горечью увидел, что он уходит, оставив меня, и мне не остается ничего, как продолжать идти с Баталом, который держал меня за руку.
Оказалось, что школой называли небольшой домик возле аулсовета, крытый красной черепицей. Я всегда проходил мимо него. Батал завел меня в этот домик. По одну сторону длинного стола сидела группа мальчиков, а по другую — молодой мужчина. Он усадил меня на скамейку с ребятами, спросил мои имя и фамилию. Он говорил еще что-то, но я не слушал его и не понимал, зачем меня привели сюда. Батал ушел, предупредив, чтобы я хорошо вел себя и делал все, что скажет учитель. Мне хотелось выбежать на улицу, играть там с дружками или же сесть на своего белого ослика и скакать в сторону снежных вершин, весело напевая свою песенку: «Скачи, мой ослик, скачи, мой ослик!» Самым маленьким среди учеников был я. Были и такие парни, которые казались мне совсем взрослыми. Это и понятно. Школа в ауле открылась впервые, и был создан пока единственный класс — первый. Грамотных-то детей не было. Поэтому первоклассниками стали мальчики разных возрастов. Девочки пока не шли в школу. Парни, между которыми я сидел на скамейке, были большие. И вдруг ни с того ни с сего они стали шалить и драться между собой.

— Перестаньте, ребята! Так нельзя, вы в школе! Бросьте драться! — уговаривал их учитель, стыдил, но не помогало. Парни меня не трогали, но задевали невольно. Должно быть, они сделали мне больно, я заплакал. Тогда учитель перегнулся через длинный узкий стол, поднял меня со скамейки и пересадил к себе. Как это ни было трудно, ему все же удалось утихомирить драчунов. Когда стало относительно тихо, учитель положил на стол передо мной что-то желтое. Я решил, что это коробка с конфетами.
— Ну, маленький наш Ако, открой, открой! — сказал учитель.— Не бойся, открой!
Я молчал. Кроме робости, правда, еще у меня сразу возник свой план.
— Я отнесу это маме,— пролепетал я наконец.
— Ну, конечно. Только сначала открой. Не бойся, ты же смелый парень, Ако.
Мне не хотелось открывать коробку — боялся, что ребята увидят конфеты и отнимут у меня. А мне так захотелось отнести их маме, обрадовать ее.
— Ай, ай, оказывается, ты совсем робкий, Ако. А мне говорили, что ты мальчик решительный.— Учитель, мягко упрекнув меня и улыбнувшись, сам открыл желтую «коробку».

О, как я был удивлен и разочарован! Там не оказалось конфет! Зато в желтой коробке я увидел то, чего не видал никогда: какие-то странные знаки, а также изображения коров, лошадей, осликов, домиков — точно таких, какие я видел каждый день в своем селении. Я стал рассматривать, подумал: «Как же попали сюда наши коровы и ослики? »

— Вот это наша корова Аккаш, мамина корова! — воскликнул я громко, удивившись и обрадовавшись.— Моя мама доит ее каждое утро, каждый вечер. Как она попала в эту коробку?
— А вот так и попала,— ответил учитель.— Хорошие люди хотели обрадовать тебя. Это раз. Второе — перед тобой лежит вовсе не коробка, как ты говоришь, а книга! Понял? Придет время, так она порадует тебя и так будешь ты ей благодарен. Да, Ако, это чудо из чудес!.. Книга! — повторил он медленно, торжественно, по слогам. Я, конечно, ничего не понял, хотя и появился у меня какой-то интерес. Я молчал, сожалея о том, что это не конфеты, которые я мог бы отнести маме.

— Повторяю — это книга, Ако. Ты хороший мальчик и постарайся понять, что я тебе скажу сейчас. По этой книге, которая называется «Букварь», ты будешь учить буквы, так научишься читать и писать. Знаешь, как это хорошо, как интересно! Ты станешь взрослым, у тебя самого будет много книг. Книги так же интересны, как наши сказки, а может быть, еще интереснее. Ты сказки знаешь? Мама рассказывает их тебе?
— Знаю.
— Любишь сказки?
— Люблю.
— Вот так же полюбишь и книги. Запомни мои слова. Они умные и могут сделать тебя большим человеком. А сказки тебе мама рассказывает?
— И мама и дядя Горда. Он много знает сказок.
— Горда учит тебя сказкам?
— Да, учит.
— Ну, расскажи какую-нибудь из них. Только самую короткую.
Я рассказал сказочку о медведе, волке и лисе, которые жили в одной пещере, о том, как лиса хотела перехитрить всех, но сама была наказана. Учитель улыбнулся, погладил меня по голове и сказал:
— Молодец, Ако! Ты знаешь сказки.

Когда учитель сказал, что он дал мне китап (книгу), я не понял его. Ни у нас, ни у соседей не было книг, и я не видел их никогда. Мне, правда, приходилось слышать слово «китап», но я не представлял себе, что это может быть. Мулла обычно по китапу, как утверждали взрослые, узнавал какие-то тайны, не известные простым людям, предсказывал судьбу. Это называлось «китап ачхан», что буквально значит — открывать или раскрывать книгу. Так говорили чегемские крестьяне в моем детстве. Именно в этой связи я услышал слово «китап». И вот это нечто таинственное и непонятное теперь лежало передо мной. Но это, конечно, была совсем другая книга, чем та, по которой гадал мулла в ауле. О, это был букварь! Моя первая книга. Книга эта была великая книга — книга книг. По ней я постиг грамоту, раскрыл таинственную силу удивительных знаков алфавита, знаков, заключавших в себе весь мир, морские просторы и звездный свет, давно прошедшие времена и сегод-няшний день, всю земную красоту, всю человеческую мудрость, всю радость и боль. В этот счастливый сентябрьский день передо мной лежал букварь. По нему я научился читать и писать. Сейчас я, уже поседевший ученый-историк, прикрыв глаза, вспоминаю тот солнечный день ранней осени, когда летала белая паутина, которую чегемцы называют слюнями оленя. Вижу маленького Ако с обритой головой, в залатанном мамой бешметике серого

цвета, мальчика с белыми зубами и счастливой улыбкой.